

Толстой Лев Николаевич

Статьи о патриотизме

Христианство и патриотизм.

Патриотизм или мир.

Патриотизм и правительство

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Л34

Л34 **Лев Николаевич Т.**
Статьи о патриотизме: Христианство и патриотизм. Патриотизм или мир.
Патриотизм и правительство / Толстой Лев Николаевич – М.: Книга по Требо-
ванию, 2022. – 127 с.

ISBN 978-5-519-77230-3

ISBN 978-5-519-77230-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

далъ двойное число выстрѣловъ — тридцать. Съ французскихъ судовъ грянули звуки русскаго гимна. Французскіе матросы взбираются на рей и мачты; громкіе клики привѣтствій безостановочно льются съ обѣихъ эскадръ и съ частныхъ судовъ; шапки матросовъ, шляпы и платки публики — все это восторженно поднимается кверху въ честь дорогихъ гостей. Отовсюду съ воды и съ берега гремитъ одинъ общій возгласъ: «да здравствуетъ Россія! да здравствуетъ Франція!».

«Согласно морскому уставу, адмиралъ Авелантъ съ офицерами своего штаба высадился на берегъ, чтобы привѣтствовать мѣстныхъ властей. На пристани русскихъ моряковъ встрѣтили французскій главный морской штабъ и старшіе офицеры Тулонскаго порта. Последовали общія дружескія рукопожатія при громѣ пушекъ и звонѣ колоколовъ. Хоръ морской музыки исполнилъ гимнъ «Вожь, царя храни», покрытый громовыми кликами публики: «да здравствуетъ царь!» «да здравствуетъ Россія!» Эти клики слились въ одинъ могучій гулъ, покрывшій и музыку и пушечную пальбу.

«Очевидцы сообщаютъ, что въ эту минуту восторгъ несмѣтной массы народа достигъ высочайшей степени, и словами невозможно передать, какими ощущеніями переполнились сердца всѣхъ здѣсь присутствующихъ. Адмиралъ Авелантъ, съ обнаженною головою и въ сопровожденіи русскихъ и французскихъ офицеровъ, отправился въ помѣщеніе морского управленія, гдѣ его ожидалъ французскій морской министръ.

Принимая адмирала, министръ сказалъ:

«Кронштадтъ и Тулонъ — это два мѣста, которыя свидѣтельствуютъ о сочувствіи между рус-

скимъ и французскимъ пародами; вы будете вездѣ встрѣчены, какъ сердечные друзья».

«Правительство и вся Франція поздравляютъ васъ съ прїѣздомъ и вашихъ спутниковъ, представляющихъ «великій и благородный народъ». Адмиралъ отвѣтилъ, что онъ не въ силахъ выразить всю свою благодарность: «русская эскадра и вся Россія», сказалъ онъ, «будутъ признательны за вашъ прїемъ». После краткаго разговора, прощаясь съ министромъ, адмиралъ вторично благодарилъ его за прїемъ и прибавилъ: «Не хочу съ вами разставаться, пока не произнесу тѣхъ словъ, которые начертаны въ сердцахъ всѣхъ русскихъ людей: «да здравствуетъ Франція!» *).

Такова была встрѣча въ Тулонѣ; въ Парижѣ встрѣча и празднества были еще удивительнѣе.

Вотъ какъ описывается въ газетахъ встрѣча въ Парижѣ: «Всѣ взоры направлены на бульваръ *les Italiens* (Итальянскій бульваръ), откуда должны появиться русскіе моряки. Издали донесенія наконецъ гуль цѣлаго урагана восклицаній и аплодисментовъ. Гуль становится сильнѣе, явственнѣе. Ураганъ видимо приближается. На площади происходитъ сильнѣйшее движеніе. Полицейскіе брзаются расчищать дорогу къ *Cercle militaire* (военный клубъ), но это оказывается дѣломъ далеко не легкимъ. Въ толпѣ поднялась новообразимая толкотня и давка. Наконецъ, на площади появляется голова кортежа. Въ тотъ же моментъ надъ ней проносится оглушительный крикъ: «*Vive la Russie! Vive les Russes!*» (Да здравствуетъ Россія! Да здравствуютъ русскіе!). Всѣ облачаютъ головы,

*) Сельскій Вѣстникъ, 1893 г., № 41.

публика, биткомъ набившаяся въ окнахъ, на балконахъ, разбѣстившаяся даже на крышахъ, машущая платками, флагами, шляпами, ожесточенно аплодируетъ, бросаетъ изъ оконъ верхнихъ этажей облака небольшихъ разноцвѣтныхъ кокардъ. Цѣлое море платковъ, шляпъ, флаговъ волнуется надъ головами толпы, стоящей на площади: «Vive la Russie! Vive les Russes!» кричитъ эта стотысячная толпа, стараясь получше разсмотрѣть дорогихъ гостей, протягивая къ нимъ руки и всячески выражая свои симпатіи» *).

Другой корреспондентъ пишетъ, что восторгъ толпы граничилъ съ бредомъ. Одинъ русскій публицистъ, бывшій въ то время въ Парижѣ, описываетъ это внѣшнее моряковъ слѣдующимъ образомъ:

— «Правду говорятъ — событіе всемірное, изумительное, трогательное до слезъ, поднимающее душу, заставляющее ее трепетать *той любовью, которая видится въ людяхъ братьевъ, и которая ненавидитъ кровь и насильственные присоединенія, отторженіе родныхъ дѣтей отъ любимой матери.* И въ какомъ-то чадѣ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Мнѣ было страшно, почти неспособно стоять на станціи Ліонской желѣзной дороги среди представителей французской администраціи въ золотомъ шитыхъ мундирахъ, среди муниципалитета во фракахъ и слышать крики: «Vive la Russie! Vive le czar!» и слышать народный гимнъ, исполняемый нѣсколько разъ сряду. Гдѣ я? что такое случилось? какая волшебная струя соединила все это въ одно чувство, въ одинъ разумъ? Развѣ не чувствуется тутъ присутствіе Бога любви и братства,

*) Новое Время.

присутствіе чего-то высшаго, идеальнаго, сходящаго на людей только въ высокія минуты? Сердце такъ полно чѣмъ-то прекраснымъ и чистымъ, и возвышеннымъ, что перо не въ состояніи всего этого выразить. Слова блѣдны передъ тѣмъ, что я видѣлъ, что я чувствовалъ. Это не восторгъ, слово это слишкомъ банально, — это лучше восторга. Живописнѣе, глубже, радостнѣе, разнообразнѣе. Нельзя описывать того, что было у «Cercle militaire», когда появился на балконѣ второго этажа адмиралъ Аведанъ. Тутъ слова ничего не скажутъ. Во время молебна, когда пѣвчіе пѣли въ церкви «Спаси, Господи, люди твоя», въ открытыя двери врывались торжественные звуки Марсельезы духового оркестра, который игралъ на улицѣ. Что-то изумительное по впечатлѣнію, непередаваемое» *).

II.

Пріѣхавши во Францію, русскіе моряки въ продолженіе двухъ недѣль переходили съ праздника на праздникъ и въ срединѣ или по окончаніи всякаго праздника ѣли, пили и говорили. И свѣдѣнія о томъ, гдѣ и что они ѣли и пили въ среду, и гдѣ и что въ пятницу, и что при этомъ говорили, по телеграфу сообщалось всей Россіи. Какъ только который нибудь изъ русскихъ капитановъ шилъ за здоровье Франціи, такъ это тотчасъ становилось извѣстнымъ міру, и какъ только русскій адмиралъ говорилъ: «шю за прекрасную Францію!» слова эти тотчасъ же разносились по всему міру.

*) Новое Время. октябрь 93 г.

Но мало того, заботливость газетъ была такова, что сообщались не только тосты, но и много объѣдовъ съ пирожками и закусками, которыя потреблялись на объѣдахъ.

Такъ, въ одномъ № газеты было сказано, что объѣдъ представлялъ изящное произведение:

Consommé de volailles, petits patés.

Mousse de homard parisienne.

Noisette de bœuf à la béarnaise.

Faisans à la Périgord.

Casseroles de truffes au champagne.

Chaufroid de volailles à la Toulouse.

Salade russe.

Croute de fruits toulonnaise.

Parfaits à l'ananas.

Desserts *).

Въ слѣдующемъ № было сказано:

И въ кулинарномъ отношеніи объѣдъ не оставлялъ желать ничего лучшаго: меню было слѣдующее:

Potage livonien et S-Germain.

Zéphyr Nantua.

Esturgeon braisé moldave,

Selle de dague grand veneur"... и т. д. **).

*) Бульонъ-изъ дичи, маленькіе пирожки.

Муссъ изъ парижскихъ омаровъ.

Вырѣзка по бearnски.

Фазаны à la Перигоръ.

Салатъ изъ трюфелей съ шампанскимъ.

Дичь по Тулузски.

Русскій салатъ.

Фрукты по Тулузски.

Ананасное мороженое.

Дессерты.

**) Суть Ливонскій и Сентъ-Жерменскій

Въ слѣдующей газетѣ описывается опять новое меню. При каждомъ меню описывались еще подробно и тѣ напитки, которые поглощали всѣ празднующіе: такая-то «вудка», такое-то Bourgogne vieux (Старое Бургунское), Grand Moët (Шампанское Моеть) и т. п. Въ англійской газетѣ было перечисленіе всѣхъ тѣхъ пьяныхъ напитковъ, которые были поглощены во время этихъ празднествъ. Количество это такъ огромно, что едва ли всѣ пьяницы Россіи и рѣвціи могли бы выпить столько въ такое короткое время.

Сообщались и рѣчи, произносимыя празднующими, по меню были разнообразіе рѣчей. Рѣчи состояли неизмѣнно изъ однихъ и тѣхъ же словъ въ различныхъ сочетаніяхъ и перемѣщеніяхъ. Смыслъ этихъ словъ былъ всегда одинъ и тотъ же: мы иѣжно любимъ другъ друга, мы въ восторгѣ, что мы вдругъ такъ иѣжно полюбили другъ друга. Цѣль наша не война и не реваншъ и не возвращеніе отнятыхъ провинцій, а цѣль наша только *миръ*, *благодѣяніе мира*, *обезпеченіе мира*, *спокойствіе и миръ Европы*. Да здравствуетъ русскій императоръ и императрица, мы любимъ ихъ и любимъ *миръ*. Да здравствуетъ президентъ республики и его супруга, мы тоже любимъ ихъ и любимъ *миръ*. Да здравствуетъ Франція, Россія, ихъ флотъ и ихъ армія. Мы любимъ и армію, и миръ, и начальника эскадры. Рѣчи большею частью заканчивались, какъ въ куплетахъ, словами: Тулонъ, Кронштадтъ, или Кронштадтъ, Тулонъ. И наименованіе этихъ мѣстъ, гдѣ было такъ

Зефиръ Нантуа.

Вареная острѣнна по молдавски и т. д.

(Ред.).

много съѣдено разныхъ кушаній и выпито разнаго вина, произносились какъ слова, напоминающія самыя высокіе, доблестныя поступки представителей обоихъ народовъ, такія слова, послѣ произнесенія которыхъ уже говорить нечего, потому что все понятно. Мы любимъ другъ друга и любимъ миръ, Кронштадтъ, Тулонъ! что еще можно прибавить къ этому?? особенно подъ звуки торжественной музыки, играющей одновременно два гимна: одинъ -- преславляющій царя и просиявшаго у Бога для него всякихъ благъ, другой -- проклинаящій всѣхъ царей и обещающій имъ всѣмъ погибѣль.

Людямъ, особенно хорошо выражавшимъ свои чувства любви, давались ордена и награды, нѣкоторымъ же людямъ за тѣ же услуги или просто отъ избытка чувствъ подносились подарки самыя странныя и неожиданныя: такъ, русскому царю французская эскадра поднесла въ подарокъ какую-то золотую книгу, въ которой, кажется, ничего не написано, а если и написано, то нѣчто такое, чего никому знать не нужно, а начальнику русской эскадры, въ числѣ другихъ подарковъ, еще болѣе удивительный предметъ -- соху изъ алюминія, покрытую цвѣтами, и много другихъ такихъ же неожиданныхъ подарковъ.

Кромѣ того, всѣ эти странные поступки сопровождались еще болѣе страшными религіозными обрядами и общественными молитвами, отъ которыхъ казалось бы уже давно отвыкли французы. Едва ли со временъ Конкордата было совершено столько общественныхъ молитвъ, сколько въ это короткое время. Всѣ французы стали вдругъ необыкновенно публичны и заботливо развѣщивали въ

комнатахъ русскихъ моряковъ тѣ самые образа, которые они тоже старательно, какъ вредное орудіе суевѣрія, выносили изъ своихъ школъ, и не переставая, молились. Кардиналы и епископы вездѣ предписывали молитвы и сами молились самыми странными молитвами. Такъ, епископъ въ Тулонѣ, при спускѣ броненосца «Жоригибери», молился Богу мира, давая чувствовать при этомъ однако, что если что, то онъ можетъ обратиться и къ Богу войны.

«Какова будетъ судьба его», сказалъ епископъ, говоря о спускаемомъ броненосцѣ, «одинъ Богъ только вѣдастъ, будетъ ли онъ извергать смерть изъ ужасающихъ нѣдръ своихъ — неизвѣстно. Но если бы, призвавъ нынѣ Бога мира, намъ пришлось впоследствии призвать и Бога брани, мы твердо уповаемъ, что «Жоригибери» пойдетъ на врага, рука объ руку съ могучими судами, экипажи коихъ вступили нынѣ въ столь близкое братское единеніе съ нашими. Но да минуетъ насъ эта перспектива, да оставитъ настоящее празднество только мирное воспоминаніе, какъ воспоминаніе о великомъ князѣ Константинѣ (Константинѣ Николаевичѣ былъ въ Тулонѣ въ 1857 г.), который здѣсь же присутствовалъ на спускѣ корабля «Квириналъ», и да сдѣлаетъ дружба Франціи съ Россіей изъ этихъ двухъ націй хранителей мира...»

Между тѣмъ десятки тысячъ телеграммъ перолетали изъ Россіи во Францію и изъ Франціи въ Россію. Французскія женщины привѣтствовали русскихъ женщинъ. Русскія женщины выражали свою благодарность французскимъ женщинамъ. Труппа русскихъ актеровъ привѣтствовала французскихъ актеровъ, французскіе актеры сообщали,

что они закладываютъ глубоко въ сердца привѣтствіе трупы русскихъ актеровъ. Русскіе кандидаты на судебныя должности, состоящіе при окружномъ судѣ какого-то города, изъявляли свой восторгъ французской націи. Генераль такой-то благодарилъ г-жу такую-то, г-жа такая-то увѣряла въ своихъ чувствахъ къ русской націи генерала такого-то; русскія дѣти писали привѣтственные стихи французскимъ дѣтямъ, французскія дѣти отвѣчали стихами и прозою; русскій министръ просвѣщенія свидѣтельствовалъ министру французскаго просвѣщенія о чувствахъ внезапной любви къ французамъ всѣхъ подвѣдомственныхъ ему русскихъ дѣтей, ученыхъ и писателей; члены общества покровительства животныхъ свидѣтельствовали свою горячую привязанность французамъ; о томъ же заявляла Казанская дума.

Каноникъ Аррареской епархіи заявлялъ высокопреподобному протопресвитеру русскаго придворнаго духовенства, что онъ можетъ утверждать, что въ сердцахъ всѣхъ французскихъ кардиналовъ и архіепископовъ глубоко запечатлѣна любовь къ Россіи и къ его величеству Александру III и его августѣйшей фамиліи, и что французскіе и русскіе священники исповѣдуютъ почти одну и ту же вѣру и одинаково чтутъ пресвятую дѣву. На что высокопреподобный протопресвитеръ отвѣчалъ, что молитвы французскаго духовенства за августѣйшую фамилію радостно отзывались въ сердцахъ всего русскаго царелюбиваго народа и что, такъ какъ русскій народъ также чтитъ пресвятую дѣву, то и можетъ разсчитывать на Францію на жизнь и смерть. О томъ же почти заявляли разные генералы, телеграфисты и торговцы бакалейными това-

рами. Всѣхъ кого-то съ чѣмъ-то поздравляли, кого-то за что-то благодарили.

Возбужденіе было такъ велико, что совершались самые необычайные поступки, но никто не замѣчалъ ихъ необычайности, а, напротивъ, всѣ одобряли ихъ, восхищались ими и, какъ-будто боясь опоздать, торопились каждый совершить поскорѣе какой-нибудь такого же рода поступокъ, чтобы не отстать отъ прочихъ. Если слышались высказываемые и даже писанные и печатные противъ этихъ бѣснованій протесты, указывающіе на неразумность ихъ, то протесты эти скрывались или заглушались *).

*) Такъ мнѣ извѣстенъ слѣдующій протестъ студентовъ, посланный въ Парижъ, но не принятый ни въ одной газетѣ: Открытое письмо къ французскимъ студентамъ.

„Недавно кучка московскихъ студентовъ юрстовъ, съ инспекціей во главѣ, взяла на себя смѣлость говорить отъ лица всего Московскаго студенчества по поводу Тулонскихъ празднествъ.

„Мы, представители союза землячествъ, самымъ рѣшительнымъ образомъ протестуемъ какъ противъ самозванства этой кучки, такъ и по существу противъ происшедшаго между нею и французскими студентами обмѣна привѣтствій. Мы тоже смотримъ съ горячей любовью и глубокимъ уваженіемъ на Францію, но смотримъ такъ на нее потому, что видимъ въ ней великую націю, которая прежде постоянно являлась для всего міра глашатаемъ и провозвѣстникомъ великихъ идеаловъ свободы, равенства и братства, которая была первою и въ дѣлѣ отважныхъ попытокъ воплощенія въ жизнь этихъ великихъ идеаловъ, и лучшая часть русской молодежи всегда была готова привѣтствовать Францію, какъ передового воина за лучшее будущее челоуѣчества. Но мы не считаемъ такіа празднества, какъ Кронштадтскія и Тулонскія, подходящимъ поводомъ для подобныхъ привѣтствій.

Напротивъ, эти празднества апаменуютъ собою печальное, но, надѣемся, временное явленіе, — измѣну Франціи своей прежней великой исторической роли: страна прпзывавшая